

- ⁵⁷ Бичурин Н.Я. Указ. раб. С. 188.
- ⁵⁸ Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов... С. 48.
- ⁵⁹ Бичурин Н.Я. Указ. раб. С. 350–351.
- ⁶⁰ Там же. С. 351.
- ⁶¹ Кюннер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961. С. 55.
- ⁶² Бичурин Н.Я. Указ. раб. С. 353.
- ⁶³ Там же. С. 351.
- ⁶⁴ Кюннер Н.В. Указ. раб. С. 60.
- ⁶⁵ Полосьмак Н.В. К вопросу о древней татуировке // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. «Археология и этнография». № 3. 1994. С. 32.
- ⁶⁶ Бичурин Н.Я. Указ. раб. С. 351.
- ⁶⁷ Кюннер Н.В. Указ. раб. С. 58.
- ⁶⁸ Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов... С. 402.
- ⁶⁹ Бичурин Н.Я. Указ. раб. С. 353.
- ⁷⁰ Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье. М., 1995. С. 309.
- ⁷¹ Бичурин Н.Я. Указ. раб. С. 222.
- ⁷² Вадецкая Э.Б. Динлино-гянгуньская гипотеза в истории археологии Сибири // Третьи исторические чтения памяти М.П. Грязнова. Ч. 1. Омск, 1995. С. 23.

Yu.S. K h u d i a k o v. Early History of the Kyrghyz

Data from Chinese sources on the early period of the Kyrghyz history (the 3rd century B.C. – the 3rd century AD) and academic publications were critically analyzed to challenge the traditional notion that the early Kyrghyz occupied northwestern Mongolia. Evidences were provided that at the end of the first millennium B.C. and at the beginning of the first millennium A.D. the Kyrghyz inhabited the eastern Tien Shan. Some ethnographic and cultural traits of the early Kyrghyz have been reconstructed. The data shed a new light on the early history of the Kyrghyz and their involvement in the political and military events in Central Asia.

© 2001 г., ЭО, № 5

Л.Р. Кызласов

СИБИРСКОЕ МАНИХЕЙСТВО

Как открывается ныне, Сибирь к раннему средневековью все больше становилась культурным продолжением Средней Азии на север. Важнейшим событием в духовном развитии Сибири явилось распространение там манихейства – одной из наиболее философских, энциклопедических и книжных религий Переднего Востока, возникшей в Вавилонии в III в.

Основатель религии пророк Мани считал, что зороастризм, христианство и буддизм – это одна правильная вера, искаженная людским непониманием, и он послан восстановить ее. Называя себя «посланником бога Истины», он в то же время был трудолюбивым ученым и писателем: изучив устои основных религий эпохи и гностической философии, он изложил свой канон в семи книгах, для чего изобрел особую манихейскую письменность; украшая рукописи священных книг, прославился как художник-миниатюрист, а также оставил образцы церковной фресковой живописи. Объединяющую человечество веру Мани манихеи миссионерски разносили по свету. К XI–XII вв. они действовали на просторах всего Евразийского материка – от Атлантического океана до Тихого¹. По словам Абурайхана Бируни, «веру Мани и его учение исповедуют большинство восточных тюрок, обитатели Китая, Тибета и части

Индии»². На западе даже после прихода ислама манихейские сообщества оставались в Северной Африке и Испании. В XI–XII вв. к ним принадлежали секты богомилов в Болгарии и катаров-альбигойцев во Франции. В Западной Европе христианство боролось с манихеями до XV–XVI вв. Судьба манихейства на востоке, до сих пор известная только по письменным источникам, обычно связывалась с его распространением в Средней Азии (уже с III в.), приходом в Китай (столицы которого миссионеры достигли в 694 г.), принятием его Уйгурским каганатом (763 г.). Теперь очевидно, что после уйгурского похода 758–759 гг. манихейство распространилось и в Древнехакасском государстве. Как и на Селенге, Орхоне или Верхнем Енисее, к северу от Саян его распространяли миссионеры-согдийцы³.

Земля сибирская сохранила то, что трудно было предугадать. Раскопки в Хакасии выявили два важнейших городских храмово-монастырских центра: один в горах Батенёвского края, другой – в степи, в дельте р. Уйбат, левого притока Абакана. На протяжении 5 веков там действовало не менее 11 манихейских храмов. Большинство из них представляли собой монументальные архитектурные сооружения со стенами из сырцового кирпича.

Самый ранний манихейский храм в Хакасии был открыт экспедицией МГУ в 1971 г. в котловине Сорга, при впадении р. Сор в р. Пююр-сух (рус. Бюря, ст. Ербинская) и исследован в течение двух сезонов. Прямоугольное здание (37,5 × 28,5 м) со стенами из сырцового кирпича было воздвигнуто на массивной каменной платформе. Внутренняя площадь его составляла около 800 м². Потолок и стены были выбелены известью. Вдоль стен располагались четыре платформы-суфы и галереи с колоннами. Основной вход с широкой тамбурной дверью и пандусом был обращен на восток, второй – малый, также с пандусом – вел с севера. Судя по находкам, храм был скорее всего построен в середине 60-х годов VIII в. и существовал до IX–X в.⁴

Строительные материалы и приемы, архитектурные детали раскопанного здания полностью соответствуют канонам архитектурной школы, господствовавшей в VII–VIII в. в Согде. Именно там было весьма распространено сооружение оснований и платформ-подиумов для сырцовых зданий. В горах и предгорьях цоколь также сооружали из камня, укладывая его в гравий и глиняный раствор. Сырцовые стены толщиной 2–2,5 м отступали от краев платформы, придавая им характер террас. Согдийский тип сырцовых кирпичей в VII–VIII вв. имел подобные же размеры: 45–44 × 25–23 × 6–12 см, но чаще всего 48 × 24 9–10 см (Пенджикент, Тали-Барзу, Ак-Тепе, I буддийский храм Ак-Бешима и др.). Внутренние стены зданий штукатурились глиносаманным раствором или белым алебастром. Потолки укладывали на деревянные балки, которые в галереях опирались на резные деревянные колонны, весьма близкие по форме к найденным нами. В храмовых, общественных и жилых зданиях Средней Азии широко применялись не лестницы, а пандусы, нередко поднимавшиеся даже на вторые и третьи этажи; входы также часто имели тамбуры и двойные двери⁵. Из всего сказанного следует заключить, что архитекторами и строителями столь необычного для Южной Сибири Сорского храма были заезжие согдийцы.

Они же возвели и первые храмы в городе на р. Уйбат. Самым ранним сооружением (быть может, относящимся ко времени уйгурского завоевания в 758–759 гг.) явилась здесь квадратная «крепость» 30 × 30 м, совершенно схожая с сооруженными согдийцами в Туве⁶. Аккуратнейшая кладка из желтоглиняных сырцовых кирпичей свидетельствует о работе опытных мастеров-строителей. Стены, достигающие в высоту 4 м, плавно расширялись книзу⁷. В восточной стене сохранилась узкая калитка (заложенная при более поздней перестройке). Посредине открытого двора (22 × 22 м) найдены остатки круглого строения типа вихары. Стены его из тонких гибких прутьев, воткнутых вплотную друг к другу, поднимались, создавая сверху купол. Снаружи и изнутри они были оштукатурены глиняным раствором, а пол выстлан деревом.

В середине 60-х годов VIII в. этот храм был перестроен. Все пространство занял

большой зал (22 × 22 м), плоскую кровлю которого поддерживали 169 деревянных колонн, опиравшихся на каменные базы. Вскоре с южной стороны пристроили второй квадрат из сырцовых стен, соединенный с храмом широким проходом. Возможно, это был монастырь, разделенный деревянными перегородками на ряд помещений. В восточной его стене находились ворота шириной 4 м в которые могла проехать повозка. В результате к концу VIII в. завершилось создание прямоугольного храмового комплекса общей площадью 60 × 30 м, вытянутого с северо-запада на юго-восток. К его южному и северному углам были пристроены одинаковые восьмигранные башнеобразные сооружения с уплощенным верхом. За счет них размеры всего комплекса увеличились до 72 × 37 м. Тогда же старый вход в колонный зал храма был заложен, а новый устроен близ южной стороны северного восьмигранника. Посредине северного углового святилища был сооружен квадратный колодец (2 × 2 м) со стенками, укрепленными по углам жердями и столбами. При расчистке колодец, свидетельствующий о почитании водной стихии, быстро наполнился водой. К северо-западной стене храма снаружи была пристроена невысокая узкая глинобитная сильно прокаленная платформа с овальным концом. Такие платформы в Средней Азии остались от святилищ Огня⁸.

Около середины IX в. колонный зал засыпали галькой и песком и над ним, во втором ярусе, соорудили новый квадратный храм (20 × 20,6 м), не имевший кровли, со входом с юга. В центре его находилась круглая кирпичная «эстрада» (высотой 0,75 и диаметром 8,8 м), на которую с севера вели три ступеньки. Посредине «эстрады» располагался квадратный алебастровый алтарь с низким бортиком, ориентированный углами по сторонам света. Раскрытость святилища к небу — свидетельство гармонии с космосом. Тогда же на восточной стене комплекса и на пристроенных к ней трапециевидных платформах симметрично разместились еще два открытых и не имевших стен храма. Их крыши поддерживались четырьмя толстыми колоннами, опиравшимися на каменные базы. Полы были деревянными. Эти святилища Воздуха были установлены в знак свободы верующих под Небом для прославления Господа.

Наконец, был исследован самый поздний храм манихейского Уйбатского города, сооруженный в XI в., — отдельное прямоугольное здание (20 × 16 м) без окон, со входом с восточной стороны. Внутри это десятиколонный зал площадью 228,5 м². Колонны, стоявшие на каменных базах и поддерживавшие вышку со световым люком, ограничивали в западной части зала квадратное пространство, каждая сторона которого равнялась 7,5 м. Потолок был оштукатурен алебастром. С восточной стороны на полу лежала плита — подставка под светильник⁹. У южной стены мы расчистили жертвенную яму (глубиной 0,9 м) с костями крупной рыбы, птицы и мелкого рогатого скота — остатками обитателей воды, воздуха и поверхности земли. Вместе с этим храмом действовало и пристроенное к нему снаружи второе деревянное святилище огня. Просуществовало здание, по-видимому, до монгольского завоевания Хакасии, а возможно, и дольше.

Уйбатский город на протяжении пяти веков являлся священным центром северного манихейства. В нем экспедицией МГУ обнаружено шесть монументальных храмов различного назначения и пять святилищ. Сколько же за 15 поколений священников и служителей различных рангов было призвано совершать здесь литургии, вести астрологические наблюдения, переводить священные тексты и молитвы на тюркский язык и размножать их, используя местную руническую письменность? Заметим при этом, что основная, ныне распаханная площадь города археологически еще не изучена.

Посетивший в 942 г. долины Среднего Енисея Абу Дулаф писал о религии местного населения: «Есть у них храм для богомоления... В молитвах употребляют особую, мерную речь... Молясь обращаются к югу. Поклоняются планетам Сатурну и Венере, а Марса считают дурным предзнаменованием»¹⁰. Как видим, слова о храме оказались верными и подтверждаются археологией. Точными оказались и сведения о поклонении планетам. Именно они позволяют понять то планировочное многообразие культовой

архитектуры VIII–XII вв., которое выявили раскопки на р. Уйбат. Для этого необходимо учесть ту часть идеологического наследия, которую манихеи получили от астрологов-звездопоклонников, которых арабы именуют *сабейцами*. Выделим две особенности этого наследия: почитание семи великих небесных светил и символичность во внешней архитектурно-планировочной форме храмов.

Китайский источник VIII в. разъясняет: «Семь светил – это солнце, луна и пять планет, которые предводительствуют людьми. Ежедневно они сменяются. В конце семи дней [цикл их] начинается снова. Их названия следует помнить, потому что каждое светило имеет на то или иное предприятие влияние, благоприятное или неблагоприятное». Далее в источнике сделано характерное добавление: «В случае запятования... вам достаточно спросить об этом согдийцев, персов или людей пяти Индий, которые хорошо их знают»¹¹.

Сабейцы канонизировали планировку храмов, связав каждое божество с определенной геометрической фигурой. У них «квадрат символизировал небесный мир, которому присущи вечный порядок (гармония) и устойчивость. Земному миру присущи движение и развитие – его символом становится круг». Вот что сообщал, например, ал-Масуди, который получил в 943 г. сведения из первых уст и многому был очевиден: «А к храмам сабейцев относятся храм Миропорядка, храм Необходимости и храм Души – это здания, круглые по форме. Храм Сатурна – шестиугольный, храм Юпитера – треугольный, храм Марса – прямоугольный, храм Солнца – квадратный, храм Венеры [имеет форму] треугольника внутри квадрата. Храм Меркурия имеет треугольную форму внутри удлинённого прямоугольника, храм Луны – восьмиугольной формы. Сабейцы в этом видят символы и тайну, которую они скрывают»¹². Дополнив эти данные описаниями Шахристани (1127 г.) и Димешки (XIV в.), мы сможем понять сложность приведенной символической схемы, выходящей далеко за пределы астральных культов. Вот что последний автор сообщает, например, о разнообразии круглых храмов: «К храмам тех сабейцев, которые признают цепь от причин к первопричине всех причин, принадлежат следующие – храм Первопричины, образующий круглую стену и имеющий форму полушария, установленный на земле в виде шатра», «храм Первого Разума, также состоящий из круглой стены без окон, далее храм Миропорядка (Гармонии), также с круглой стеной и без окон, далее храм Необходимости, в котором находятся фигуры и изображения девяти сфер. И наконец, храм Души – круглый, как и предыдущие, в котором находится скульптурное изображение человека, имеющего много различных голов, рук и ног»¹³. Геометрическая символика дополнялась цветовой, выражавшейся в окраске храмов. Следует заметить, что круглые планировочные формы были связаны с почитанием олицетворенных абстрактно-философских понятий, а все формы многоугольников, очевидно, увязывались с божествами планет.

Не случайно Бируни (XI в.) сабейцами называл именно среднеазиатских манихеев, которые в его время все еще сохраняли общину верующих в Самарканде¹⁴. Опыт наших раскопок в «Уйбатском городе» свидетельствует, что искушенные манихейские зодчие также канонизировали геометрические формы архитектурного построения храмов. Каждый из изученных в Хакасии храмов посвящался лишь одному божеству или религиозно-философскому понятию из числа семи великих небесных светил, стихий или состояний. Согласно приведенным описаниям, Сорский храм оказывается посвященным «Царю Света» и богу войны Марсу, уйбатский храм с шатром-вихорой – Первопричине космического движения, колонный зал – богу Солнца, оба восьмигранных святилища и колодец – Луне, северная платформа – Огню, храм с круглой «эстрадой» – Миропорядку, Гармонии Мироздания, а последний, десятиколонный храм – вновь божеству Марса¹⁵.

Открытие в долинах Уйбата и его верхних притоков невиданного скопления манихейских храмов и святилищ – само по себе выдающееся событие в науке. Но не менее важным открытием для истории мировых религий и истории архитектуры оказалось неожиданное разнообразие типов культовых зданий и сооружений. Изумляет

впервые подтвержденная археологией точность сообщений арабских ученых. Впервые столь наглядно проступает и сабейский пласт в культовой архитектуре манихеев, сохраненный их согдийской и принятый сибирской ветвями.

Создание в долине Среднего Енисея столь крупного священного центра стало возможным лишь в результате объявления манихейского вероучения государственной религией Древнехакасской державы, ее официальной идеологией.

Вспомним, что к середине VIII в. восточное манихейство переживало нелегкие времена. Претерпевавшее нападки мусульманства, буддизма и христианства несторианского толка, не получившее свободы действий в Китае оно, наконец, ощутило в 762 г. мощную поддержку уйгурского Бёгю-кагана. Но в 779 г. вновь начались гонения — последовал антиманихейский переворот в Ордубальке. Новая эпоха, открывшаяся со времен уйгурских вторжений на Средний Енисей в 758 и 790 гг. и особо проявившаяся с созданием мощного единого государства саяно-алтайских народов в 840 г., предоставила манихейству полную свободу действий. Это, очевидно, послужило основной причиной перемещения центра манихейской церкви далеко на север, в междуречье Енисея и Абакана. Новая вера, став государственной религией Древнехакасского феодального каганата, получила мощную официальную поддержку, а также возможность распространять пропаганду и свет своего учения на всю остальную Сибирь. Это привело к полному культурному перевороту в жизни южносибирского населения. Разгорелся очаг невиданной дотоле в Сибири культуры и образованности, распространявший далеко на север разнообразные знания и широкую грамотность на литературном тюркском языке.

По данным В.В. Бартольда, архипастыри манихеев (епископы, пресвитеры и др.) могли занять высокий церковный чин, только получив высшее образование. Углубленные занятия астрологией, астрономией, математикой, богословием и другими прикладными и точными науками влекли за собой зрелые философские размышления. Манихеи имели собственный календарь, вели исчисление времени по эре Мани начиная с года его рождения (216 г. н.э.). И все это было принесено ими в Сибирь. Как мы уже видели, среди манихеев имелись жрецы-архитекторы и строители¹⁶. Китайский источник в качестве обязательного элемента «различает в манихейском монастыре пять зал: 1) зал для священных книг и картин; 2) зал для поста и объяснения; 3) зал для поклонения и покаяния; 4) зал для преподавания; 5) зал для больных монахов»¹⁷. Таким образом, манихеи впервые создали в Южной Сибири разветвленную сеть религиозных библиотек при храмах, монастырях, миссионерских пунктах и отшельнических пустынях. В них собирались и хранились не только новые произведения манихейской литературы, написанные по-тюркски, но восстанавливались и переписывались произведения прошлого (несомненно, канонизированные труды самого Мани и его старших учеников), созданные на других языках (прежде всего на среднеперсидских) и при помощи манихейской письменности. Переписка священных и иных религиозных книг почиталась за благой подвиг, проповедники и миссионеры обязаны были прибегать к авторитету литературы.

От других великих религий манихейство отличала чрезвычайно важная особенность: в любой стране его адепты, распространяя свое вероучение, пользовались языком местного населения¹⁸. Для изучения нашей темы особенно важно помнить, что из всех мировых религий, получивших распространение в Азии, по имеющимся данным, лишь манихеи применяли (наравне с манихейским, сирийским, согдийским и производным от него уйгурским письмом) руническую письменность тюрков¹⁹. Это привело к настоящему взлету образованности, к появлению в то время, если можно так сказать, местной тюркской интеллигенции, тюрков-миссионеров и священников. То было время приобщения восточных тюрков Средней Азии и Сибири к миру духовных и культурных ценностей, выработанных городскими цивилизациями Западной Азии. С приходом манихеев в середине VIII в. в Южную Сибирь связаны и три первых памятника, запечатлевших государственную письменность Уйгурского каганата — младшее орхонское письмо. Надпись на применяемом манихеями сирийском

письме эстрангело обнаружена на одной из бронзовых монет, находившихся в обращении у древнехакасского населения²⁰.

Значение манихейских библиотек наиболее ощутимо при изучении их остатков, обнаруженных в Восточном Туркестане и Дунхуане. Пользование ими и содержащимися в книгах знаниями привело к появлению в енисейских рунических надписях заимствованной лексики: сирийской (*мар* – «вероучитель»), иранской и согдийской (*баг* – «удел», *азун* – «земная жизнь», *абад* – «благоустроенность», *аз* – «алчность»), санскритской (*барм* – «совершенный», *асур* – «асурий, злой дух», *арзы* – «святой, отшельник»). В собственные мужские имена аристократов наравне с традиционными вошли и такие слова, как йюкюнч – «совершение молитвы» (Оттук-Даш II, Е 64), йевиг – «качества бодисатвы, необходимые для просветления» (Адыр-Кая)²¹. Отразилось в енисейских памятниках и манихейское мировоззрение. Так, в тексте стелы из Эль-Бажи в Туве (Е 68/1, строка 16) рядом с обычными восхвалениями умершего витязя уже употребляется и манихейская формула покаяния: «...я следовал ошибкам точно ценностям». То же отмечается в тексте горно-алтайской стелы Бар-Бургазы I, где с прежде не свойственной эпитафиям укоризной сказано, что героя «греховная алчность разлучила» с близкими²².

Массовое распространение грамотности, наличие собственной рунической енисейской письменности на литературном языке того времени ярко выразились в появлении в VIII–X вв. огромного количества манихейских наскальных надписей самого разнообразного характера по всему Саяно-Алтайскому нагорью и Центральной Азии (Хакасия, Алтай, Тува, территория современной Монголии). Особенно много наскальных отметок оставили молившиеся на природе. Многие из текстов представляют собой монотеистические обращения к Богу в самоуничижительной манере (раб божий, недостойный раб, презреннейший, греховный и т.п.).

Как известно, согласно манихейскому вероучению, человеческое тело сотворено богом Зла и лишь душа создана богом Добра. И вот на скале Крес-хая читаем молитвенную запись (Е 137): «Вложите совершенную душу (буквально: нутро)». Строки Хая-Бажи V и III (Е 24) вполне по-манихейски превозносят деяния, направленные на благоустройство земель; на Городовой стене (Е 144) вырезан текст, в котором утверждается, что «благое преумножается путем уничтожения греховного», характерное манихейское утверждение «земной мир – из разряда лжи и скверны» содержится в надписи на Кёк-хае и т.п.²³ Тексты демонстрируют воздействие на древнюю руническую орфографию новых норм, прямо связанных с манихейской алфавитной письменностью²⁴. В Южной Сибири сохранились и памятники изобразительного искусства манихеев: в Горном Алтае, на скале Ялбак-Таш, стоящей на древнем тракте, некий путник-манихей выгравировал изображение Сатаны. Подобные изображения бога Зла известны во многих районах пребывания верующих манихеев – от Южной Сибири до Семиречья (Таласское Алатау)²⁵.

Другой важной особенностью манихейства как «всеобъемлющей универсальной религии» было то, что оно «свободно и очень широко включало в свою систему многие образы и представления из местных языческих верований и культов»²⁶, в том числе из раннего тюркского шаманизма. Северное манихейство не уничтожило заложенного в языческих верованиях сибирских аборигенов мощного духовного потенциала слияния с родной природой. Поэтому наряду с вероучителями-марами в манихейских документах и китайских хрониках той поры упоминаются камы – тюркское наименование не только языческих прорицателей и ясновидящих-шаманов, продолжавших практиковать²⁷, но и собственно манихейских священников, служивших в храмах (например, *кам мар*)²⁸. В арабо-персидских источниках под манихейским влиянием их стали называть по-персидски *фазинунами* – очевидно, «прорицателями» (ср. иран. *фаг* или *баг* – «бог», согдийское *вагнат* – «жрец» и парфянское *багнат* – «жрец»)²⁹.

Сибирское манихейство есть прямое порождение манихейства центрально-азиатского. Но если последнее было «облачено в буддийские одеяния», то на северное манихейство оказался накинута еще и «шаманский плащ». Древние саяно-алтайские

тюрки и их соседи после VIII–IX вв. не «остались обычными шаманистами», как считают до сих пор многие ученые. Приняв «всеобщую универсальную религию» Мани, они стали «сибирскими манихеями». Поэтому и имя божества в тюркоязычных священных текстах осталось язычески древним – Тенгри.

Южносибирское манихейство свободно развивалось до монгольского нашествия и, очевидно, некоторое время после него, способствуя политическому, идеологическому, культурному и языковому объединению многочисленного и разнородного населения Саяно-Алтайского нагорья. Судя по отдельным памятникам енисейской письменности, оно стало знаменем общей борьбы народов за восстановление местной государственности еще в конце XIII – начале XV в.³⁰ Период расцвета Древнехакасского каганата – огромной единой южносибирской в своей основе державы в IX–XIII вв. – на протяжении пяти-шести столетий неразрывно связан с манихейской идеологией и культурой.

На востоке манихейство от поздних уйгуров (не без участия древних хакасов) передалось киданям, после того как их первый император Абаоцзи в 924 г. захватил бывшие уйгурские степи вплоть до г. Ордубалыка. В 1128 г. нашествие киданей, вышедших с Орхона (Бэй Ляо), испытали Кашгар и Семиречье. Арабский историк Ибн ал-Асир (умер в 1233 г.) писал о возглавлявшем киданьское войско Гурхане: «Он был манихеем». Впоследствии сильное воздействие манихейства фиксируется в верованиях монголов в эпоху Чингисхана. В XIII–XIV вв. манихейские общины активно действовали в Восточном Туркестане и в Китае. А в Южном Китае манихейская церковь просуществовала до XVI в.³¹

Более поздние остатки угасающего манихейства сохранились до современности у саяно-алтайских тюрков (алтайцев, хакасов, тувинцев, тофов и др.), а также у обитающих на Оби и Енисее хантов, селькупов, кетов и эвенков. Они ясно выражены в так называемых «шаманизме», «бурханизме» и бытовых верованиях аборигенных народов, в лексическом составе их языков. Алтайские бурханисты прямо указывали на «людей в белых одеждах», приезжавших на Алтай и учивших народ верить в единого бога. Манихейскими по своему существу являются хакасские нагорные общественные моления небу, происходившие без участия шаманов; моления в гротах, ночные бдения в пещерах. То же установлено для народных верований и сакральной лексики кетов Енисея и Подкаменной Тунгуски³².

Объяснений большинству указанных выше явлений ученые еще не находили. Поэтому не существовало ясного представления о северном ответвлении манихейства и его истории. Ныне очевидно, что без его исследования нельзя представить себе истинную духовную культуру народностей, обитавших в Сибири в средние века.

Примечания

¹ Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. СПб., 1994. С. 131; Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана. М., 1969. С. 74; Смагина Е.Б. Манихейство // Религии Древнего Востока. М., 1995.

² Абурайхан Бируни. Избранные произведения. Т. 1. Ташкент, 1957. С. 213.

³ О принятии и судьбе манихейства в Уйгурском каганате см.: Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. 1998. № 3. С. 10–14.

⁴ Кызласов Л.Р. Средневековый манихейский храм в котловине Сорга (Республика Хакасия) // Рос. археология (далее – РА). 1999. № 2.

⁵ Воронина В.Л. Древняя строительная техника Средней Азии // Архитектурное наследие. Вып. 3. М., 1953. С. 3–6, 8, 9, 16. Рис. 6, 13; Кызласов Л.Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953–1954 гг. // Тр. Киргизской археолого-этнографической экспедиции АН СССР. Т. II. М., 1959. С. 166–168, 195, 230; Якубовский А.Ю. Вопросы изучения Пянджикентской живописи // Живопись древнего Пянджикента. М., 1954. С. 12.

⁶ Кызласов Л.Р. История Тувы в средние века. М., 1969. С. 59–63; его же. Древняя Тува. От палеолита до IX в. М., 1979. С. 145–158.

⁷ Ср. стены квадратной цитадели уйгурского III Шагонарского городища в Туве (Кызласов Л.Р. Древняя Тува. С. 146, 150. Рис. 105, разрез).

- ⁸ По Великому шелковому пути. Алма-Ата, 1991. С. 158–159 (храм Огня VII–IX вв.).
- ⁹ Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Архитектурные сооружения и курганы средневековых хакасов // Археологические открытия 1974 года. М., 1975. План на с. 215.
- ¹⁰ Григорьев В. Об арабском путешественнике Абу Долефе и странствовании его по Средней Азии. СПб., 1872. С. 34. Новый перевод источника см.: Материалы по истории Средней и Центральной Азии X–XIX вв. Ташкент, 1988. С. 82.
- ¹¹ Chavannes Ed., Pelliot P. Un traité manichéen retrouvé en Chine // Journal Asiatique. 1913. Sér. II. T. I. № 1, № 2. P. 191.
- ¹² Беленицкий А.М. Вопросы идеологии и культов Согда по материалам Пянджикентских храмов // Живопись древнего Пянджикента. С. 65.
- ¹³ Цит. по: Булатов М.С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX–XV вв. М., 1988. С. 16–17.
- ¹⁴ Бартольд В.В., академик. Сочинения. Т. II. Ч. 1. М., 1963. С. 216.
- ¹⁵ Планы зданий см.: Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии. Рис. 3, 5–8.
- ¹⁶ На Ближнем Востоке с древности только жрецы проектировали «Дома Богов».
- ¹⁷ Бартольд В.В. Указ. раб. С. 218–231.
- ¹⁸ Там же. С. 219.
- ¹⁹ Древнетюркский словарь. Л., 1969. С. XIV–XXXIII, XXXV, XXXVII.
- ²⁰ Кызласов Л.Р. Памятники орхонского письма из Хакасии и Горного Алтая // Вестн. МГУ. Сер. 8, История. 1997. № 1; Кызласов И.Л. Монеты с тюркоязычными енисейскими надписями // Нумизматика и эпиграфика. Т. XIV. М., 1984. С. 94–95. Рис. 3.
- ²¹ В выборку включены данные из еще не опубликованных прочтений И.Л. Кызласова.
- ²² Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности // РА. 1998. № 2. С. 71, 72; его же. Стелы с руническими надписями на Алтае (к выделению местных групп енисейских эпиграфий) // Вопросы тюркской филологии. Вып. III. М., 1997. С. 47, 48, 51–54.
- ²³ Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994. С. 189–194; его же. Калям на Енисее // Татар. археология. 1999. № 2 (3).
- ²⁴ Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Новый этап развития енисейской письменности (конец XIII – начало XV в.) // РА. 1994. № 1; Кызласов И.Л. Разновидности древнетюркской рунической орфографии (отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма) // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. T. L. Fasc. 1–3. 1997.
- ²⁵ Кубарев В.Д. Сенмурв из Калбак-Таша // Наскальные рисунки Евразии. Новосибирск, 1992; Самиев З. Граффити средневековых номадов // Вопросы археологии Западного Казахстана. Вып. 1. Самара, 1996. Рис. 5 (авторы статей манихейского Сатану не узнали. Ср. его описание в источниках: Беленицкий А.М. Указ. раб. С. 70; Смагина Е.Б. Истоки и формирование представлений о царе демонов в манихейской религии // Вестн. древ. истории. 1993. № 1).
- ²⁶ Якубовский А. Ю. Указ. раб. С. 21.
- ²⁷ Ср. применение санскритского термина на зеркале, использовавшемся, весьма вероятно, для шаманистского обряда: Кызласов И.Л. Новые материалы по енисейской рунической письменности // Сов. тюркология. 1981. № 4. С. 93–95.
- ²⁸ Древнетюркский словарь. С. 545 (tāṇrīlīgḍāki); Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I. М.; Л., 1950. С. 353.
- ²⁹ Бойс М. Указ. раб. С. 127; Бартольд В.В. Указ. раб. С. 125; Т. VIII. С. 48; Ср.: Согдийские документы с горы Муг. Вып. 2. М., 1962. С. 113, 197.
- ³⁰ Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Новый этап развития енисейской письменности. С. 45, 46, 48.
- ³¹ Смагина Е.Б. Указ. раб.; Кызласов Л.Р. История Южной Сибири в средние века. М., 1984. С. 76–78; Материалы по истории киргизов и Киргизии. Вып. 1. М., 1973. С. 65.
- ³² Топоров В.Н. Об иранском влиянии в мифологии народов Сибири и Центральной Азии // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1981; Кызласов Л.Р. Письменные известия о древних городах Сибири. М., 1992. С. 99; Данилин А.Г. Бурханизм. Горно-Алтайск, 1993.

L.R. K y z l a s o v. The Siberian Manichaeism

New archeological findings in Southern Siberia (Republic of Khakassia) are covered in the article. Two new urban settlements with Manichaen monasteries and temples dated from the 8th–12th centuries are discovered. New petroglyphs by Manichaen missionaries left in the territories of Mountainous Altay, Khakassia, Tva and Western Mongolia were found as well. These discoveries shed a new light on the so called shamanistic, burkhanistic and lamaistic beliefs of those Siberian peoples, who were historically related to the territory of the ancient Khakassian state in 9th–13th centuries.